

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НА
РУСИ

И.Х. Тот

Долгое время возникновение русской письменности и связанные с ним вопросы рассматривались учеными механически, как результат влияния Византии и Болгарии. Закономерным явлением считалось, что крещение Руси повлекло за собой появление письменности и литературы. Явления, связанные с усвоением новой религии, повлекшие за собой перенос древнеболгарской письменности и литературы, трактовались как бы извне, без должного учета внутренних потребностей древнерусского общества. Этот упрощенный и механический подход в изучении древнерусской письменности был предметом критики русских ученых. Особенно ярко были сформулированы взгляды на появление письменности у русских известным советским ученым Д.С. Лихачевым, который подчеркивал, что происхождение русской письменности нельзя сводить лишь к введению христианства и появлению болгарских книг. При изучении возникновения русской письменности следует учесть внутренние моменты, внутренние потребности в письменности, которые были связаны прежде всего с потребностями русского общества¹. Первичными причинами появления письменности были не религиозные, а вполне "мирские", т.е. потребности государства, торговли и развитого ремесла, также, как и потребности развитых представлений о собственности -- вот важнейшие моменты, которые вызвали и способствовали появлению и закреплению письменности на Руси². Таким образом, введение христианства, крещение Руси сыграло не основную, а вспомогательную роль

в появлении письменности³. Концепция Д.С. Лихачева не отрицает крупной роли принятия христианства и появления письменности на Руси, но ставит акцент на том, что "церковь и церковная письменность имеют отношение не к первому, а ко второму этапу в развитии русской письменности: не к ее началу, а к ее развитию"⁴. Высказывания Д.С. Лихачева указывают на то, что возникновение письменности на Руси имеет как бы два русла: 1/ светские потребности развития русского общества, 2/ специальные условия, возникшие после введения христианства. Решающее значение имеют при этом потребности первой категории, которыми обусловлено и самопринятие христианства. Ошибочно было бы думать, что Д.С. Лихачев преуменьшает значение христианской церкви на Руси в истории письменности. Насколько важным считает ученый эти аспекты, показывают его слова: "Официальное принятие христианства Русью имело очень большое значение в развитии и распространении письменности. Христианская церковная письменность способствовала упорядочению орфографии, приемов письма, установила письменный язык, без чего письменность не могла получить достаточно глубокого развития и т.д."⁵.

Так как в нашу задачу входит изучение возникновения и развития церковной письменности на Руси, мы должны обратить свое внимание прежде всего на те моменты, потребности, которые вызвали появление именно этого типа письменности на Руси, хотя мы не отрицаем важности факторов, способствовавших появлению письменности вообще, т.е. без их специальной сферы употребления. Поскольку принятие христианства было одним из важнейших факторов, требующих развитой письменности, следует прежде всего остановиться на истории введения христианства на Руси.

О крещении Руси, об этом исключительно важном событии писалось часто и много, однако специалисты признаются в том, что ни время установления христианства, ни ход событий еще

далеко не выяснены⁶. Установление христианства невозможно датировать крещением Владимира или крещением Руси в 989 г. Последняя дата является, с одной стороны, завершением более ранних попыток ввести христианство на Русь, а с другой стороны, эта дата обозначает только начало сложных процессов организации христианской церкви и связывается с сознательным стремлением углубить религиозное убеждение среди масс населения Руси, что связывается обычно и с борьбой против остатков "язычества", т.е. с симптомами двоеверия. Конечно, решающим моментом в установлении христианства было официальное крещение Руси при Владимире, что и вызвало появление "славянской письменности" на Руси. Однако оно является конечным пунктом длительного исторического процесса, начавшегося намного раньше, чем решение киевского князя Владимира о введении христианства на Руси. Несколько попыток, несомненно, имело место, которые привели к более или менее явным результатам.

Как традиция, так и исторические источники свидетельствуют о том, что христианство появилось прежде всего с юга. В этом отношении следует подчеркнуть значение Крыма, где с VII в. жило значительное по числу христианское население, прежде всего, сирийское. Особенно как возможный центр миссионерской деятельности выделяется город Корсунь, где была основана автокефальная архиепископия. Подобным же образом стал кафедральным местом населенный греками город Керчь, где число христиан было значительным. В VIII в. были созданы новые местные церкви, среди которых выделяется город Дорос как кафедра архиепископа, имевшего 7 суффраганов. Особенно сильной миссионерской деятельности со стороны византийской церкви подвергались анты, т.е. те восточные славяне, которые входили в состав хазарского каганата или жили на соседних с ними территориях. Среди них распространение христианства шло разными путями: 1/ из греческих

епархий Крымского полуострова, 2/ из Армении или Грузии, 3/ из городов Северного Кавказа.

Уместно предположить, что славянское население южных районов Руси имело возможность познакомиться с христианством сравнительно рано⁷.

Известно, что после осады Константинополя "Русью", предпринятой в 860 г., патриарх Фотий разворачивает широкую деятельность в интересах "пацификации" русских. Этим стремлением Фотия и правящих кругов Византии была вызвана хазарская миссия Константина Философа и его брата Мефодия. Однако Фотий стремился вовлечь русских в политическую сферу не только тем, что заключил союз с хазарами, чтобы в случае угрожающей Византии опасности со стороны русских хазары начали военные действия против русских. Фотий послал к русским и миссионеров с целью распространения христианства у восточных славян. Это событие падает на промежуток времени после крещения болгар /865 г./ до 867 г., когда Фотий был свергнут с патриархата. Его миссия оказалась успешной, как об этом сообщает в своем окружном письме сам патриарх, в котором мы читаем следующее: "Не только болгары обратились к христианству, но и тот народ, о котором много и часто говорится... т.е. так называемые русские. Поработив соседние народы и через то чрезмерно возгордившись, они подняли руку на ромейскую империю. Но теперь и они переменили эллинскую и безбожную веру, в которой прежде всего содержались, на чистое христианское учение, вошедши в число преданных нам и друзей, хотя незадолго перед тем грабили нас и обнаруживали необузданную дерзость. И в них возгорелась такая жажда веры и ревнивость, что они приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды"⁸. Известие об этом крещении русских попадает и в произведение Константина Богорянородного, написанное о его деде, и в хронику Продолжателя Феофана, однако с той разницей, что заслуга христианизации

ции русских в этих источниках приписывается не Фотию, а Василию I и патриарху Игнатию⁹. Однако память о Фотии как первом "крестителе" русских в источниках сохраняется. Об этом свидетельствует, между прочим, и приписываемый Владимиру церковный устав, где в разных редакциях и изводах часто упоминается Фотий, у которого Владимир "воспринял крещение"¹⁰. Это обстоятельство позволяет предположить, что в "научной литературе" древней Руси была жива память о миссии Фотия. Знаменитый патриарх много сделал в деле распространения христианства среди славян: при нем были крещены болгары, русские, была отправлена церковная миссия в Моравию. Фотий не был приверженцем учения о триглоссии, признавая или попросту терпя употребление народного языка в литургии. Однако, конечно, не известно, каким языком пользовались миссионеры Фотия среди русских. Несомненно, что миссия, отправленная Фотием, была успешной. Некоторые ученые видят успехи крещения Руси в том, что Аскольд /о котором по данным Никольской летописи можно предположить, что он был христианином/ крестился во время этой миссии. В этом отношении заслуживает внимания сказание о крещении Руси, написанное Анонимом и открытое А. Бандури. В.Г. Регель нашел на Патмосе полный текст этого сказания и издал его. По этому сказанию, Владимир посылает Василию I, чтобы прислали архиерея крестить народ. Несомненно, что Бандуриевое сказание является компиляцией. Его анонимный автор перепутал три события: 1/ информацию о крещении Руси патриархом Фотием, 2/ крещение Руси при Владимире и 3/ изобретение славянской азбуки Кириллом¹¹. Хронология Бандуриева сказания также трудно понимаема. Единственным решением вопроса является предположение о том, что миссионерская деятельность, начатая Фотием до 867 г., продолжалась Василием I. Однако не исключена возможность и того, что во время второго патриархата Фотия также была возобновлена миссионерская деятельность среди

русских. Дальнейших исследований требует вопрос о том, кого понимал Фотий под русскими: жителей южной части Руси или жителей всей тогдашней Руси.

Хорошо обоснованным является предположение, согласно которому к концу IX в. в Тмуторокани русское население было значительно христианизировано¹². Что касается Киева, то по договору князя Игоря с Византией несомненным является наличие христианского населения в Киеве, которое имело в своем распоряжении храм пророка Ильи. Они дали клятву на договор с греками именно в этом храме. В свете этих данных можно согласиться с выводом М.Н. Тихомирова о том, что "в 944 г. христианство уже было если не господствующей, но терпимой религией в Киеве"¹³. Среди жителей Киева принимали новую веру прежде всего купцы, которые, ведя торговлю с Византией, могли познакомиться с христианством посредством греков. Подобным образом были крещены и те русские, которые раньше служили в императорской гвардии. Однако, по всей вероятности, те русские, которые принимали христианство через греческое посредничество, в литургии пользовались греческим языком, ведь они знали в какой-то степени этот язык. Христианизация древней Руси шла и из другого источника. Древнерусские племена тиверцев и уличей, т.е. потомки бывших антов, жили между Днепром и Днестром. С западной стороны Днестра начинались поселения склаввинов, т.е. предков южнославянских племен. Позже уличи и тиверцы, переправляясь через Днестр, вторгались к Дунаю, а иногда и к морю¹⁴. Эти племена по их языку можно было считать славяно-болгарскими, которые позднее попали на территорию первого болгарского государства. После установления христианства в Болгарии славяно-болгарское население этой области, как и задунайских областей, которое также было крещено, употребляло в литургии древнеболгарский язык. В мирных сношениях эти болгары также являлись распространи-

телями христианства среди уличей и тиверцев, а позднее -- их потомков. Этим контактам русских с западными славяно-болгарами следует придать большое значение в введении христианства на Руси¹⁵ -- тем более и потому, что болгары употребляли в литургии древнеболгарский язык. В силу значительной близости славянских языков в VIII--IX вв. болгары и русские хорошо могли понимать друг друга. В этом регионе и в этих контактах можно искать болгарские истоки христианства на Руси. О языковой близости русских с болгарами свидетельствует и рассказ Скилицы и Кедрина, правда, относящийся к более позднему времени, /к 970 г./, когда войско Святополка сражалось с византийцами, русские выстраивались вместе с болгарами, как говорящими на одном языке¹⁶. По-видимому, войска Святополка были разделены в отношении языка на три части. Первая часть состояла из болгар и русских, которые объединились потому, что хорошо понимали друг друга. Близость русского и болгарского языков, безусловно, облегчала общение русских с болгарами. Взаимное понимание способствовало и торговле в этом районе: здесь возникла и развивалась оживленная торговля. В этом отношении выделяется Переяславец [= Малый Преслав] на Дунае, который был центром развитой торговли. В городе встречались купцы разных народов и продавались разные товары, привезенные из Византии, Чехии, Венгрии и Руси. Такая оживленная торговая жизнь через несколько лет наведет на мысль русского князя обосновать свою резиденцию в этом богатом, интересном городе¹⁷. Слова Святослава, по всей вероятности, относятся и к более ранним, мирным временам, когда торговля была особенно развита на этой территории, куда ездили торговать и русские купцы.

Новый стимул получило распространение христианства в Киеве ок. 954 г., когда крестилась княгиня Ольга, вдова князя Игоря. Через несколько лет после крещения Ольга по-

сетила Царьград, где она была принята с большими почестями. Ольга, которая была окружена придворными дамами, взяла с собой и своего священника Григория и переводчика. По всей вероятности, переговоры княгини были направлены на то, чтобы получить епископа из Византии. Переговоры Ольги в Константинополе оказались тщетными. Этим объясняется то, что в 959 г. она отправляет к Оттону I посольство с просьбой получить от него миссионеров и епископа. По поручению Оттона I Адальберт Трирский прибыл в Киев, но после неудачной миссии вернулся в 962 г.

Существует предположение -- на основании довольно позднего источника /с XIV в./ -- что Ольга велела построить церковь св. Софии в Киеве¹⁸, но некоторые специалисты /напр, Е. Голубинский/ довольно скептически относятся к этому известию. Е. Голубинский предполагает лишь то, что Ольга строила домовые церкви только для себя и для своей дружины¹⁹.

От Ольги власть перешла к ее сыну Святославу, который относился к христианству явно отрицательно. Святослав в 968 г. со своими многочисленными войсками нападает на Болгарию в качестве союзника императора Иоанна Цимисхия. Он вел два похода против Болгарии: в 968 г. Святославу удалось взять около 80 городов, потом он возвратился домой. Во время второго похода его войска дошли до болгарской столицы Преслава. Вступив в союз с болгарами²⁰, его войска защищали Преслав, который был взят войсками Цимисхия в 971 году. Императорские войска, ограбив город, захватили болгарского царя Бориса II, и все сокровище болгарских царей вывезли в Константинополь. Император Цимисхий объявил Болгарию покоренной страной. Вскоре после взятия столицы началось гонение болгарской автокефальной церкви, сжигались и уничтожались болгарские книги. Неблагоприятными условиями болгарской иерархии было вызвано то, что патриарх Дамьян сбежал в Охрид, чтобы сохранить самостоятельность болгарской церкви²¹. Предполагается, что во время походов Святослава бол-

гарские военнопленные, с одной стороны, и сбжавшее на Русь болгарское духовенство — с другой, также способствовали распространению христианства на Руси, что является вполне вероятным²². Не исключено, что некоторые представители высшего слоя из Преслава перешли через Дунай и ушли на Русь, где сыграли важную роль в христианизации и просвещении Руси²³.

О христианстве древней Руси при Святославе служит интересной информацией /вызывающей, однако, критику специалистов/ Козьма Пражский. Он в своей чешской истории приводит буллу папы Иоанна XIII, посланную чешскому королю Болеславу II об основании пражской епископии. Папа позволяет создать еще женский монастырь. Однако он запрещает употребление народного языка, заявляя при этом, что его отказ основывается на литургической практике Руси, где употребляется славянский язык: "Verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et dereta apostolica"²⁴. Некоторые ученые относятся к этому сообщению Козьмы с сомнением, отрицая достоверность мнения чешского историка²⁵. Сам Е. Голубинский довольно скептически говорит о высказывании Козьмы, указывая, что слова летописи нуждаются в дальнейшей проверке и доказательстве относительно их достоверности²⁶. Однако другие ученые принимают достоверность этого источника. Ф. Красль и А.И. Соболевский сообщение Козьмы считают правдоподобным²⁷. Присоединяясь к аргументации Ф. Красля, мы считаем, что сообщение о существовании славянской, т.е. славяно-болгарской литургии ок. 972 г. на Руси действительно соответствует положению дел и отражает реальную действительность. В этом отношении подчеркнем то обстоятельство, что Ольге -- по словам писца жития -- прежде, чем она была крещена, "заповедали" о церковном уставе, о молитве, о посте, о милостыне и пр., т.е. она бы-

ла подготовлена²⁸. Сомнительно, что подготовка ее была проведена только на греческом языке, на том языке, которым вряд ли она владела свободно, как об этом свидетельствует и тот факт, что у нее был свой переводчик во время ее посещения в Константинополе²⁹. Наставления княгине в христианской религии, по всей вероятности, были совершены на древнеболгарском языке. Для нас правдоподобным является и наличие болгарских литературных книг, списанных для княгини. Подобное предположение было высказано и В. Мошным³⁰. Гнездовская надпись доказывает, что в первой четверти IX в. кириллица была распространена на Руси. Тот факт, что в "Повести временных лет" приводятся переводы договоров русских с Византией, может быть удовлетворительно объяснен только тем, если предположим существование княжеской канцелярии до официального крещения Руси³¹.

Возможно, что под конец X в. на Руси христианство существовало в двух разновидностях: в греческой разновидности для тех, кто крестился через посредство греков /купцы, солдаты/, и в славянской разновидности для тех, кто стал христианином посредством болгар. Последняя категория христиан, несомненно, имела и свои литургические книги, написанные на древнеболгарском языке. Что касается соотношения этих двух разновидностей христианства, мы согласны с выводами М.В. Левченко: "Христианизация древней Руси была длительным процессом, и в этом процессе до Владимира христианство болгарское оказывало более активное действие на древнюю Русь, чем христианство византийское"³².

Эта двойственность первоначального христианства на Руси решающим образом дает себя знать во время официального введения христианства на Руси, и даже позднее. Интересным и в то же время характерным фактом является то, что "о крещении Руси при Владимире не упоминает ни один византийский историк X--XI вв. Русско--византийские отношения XI--XII вв. также находят мало отражения в византийской исто-

рической литературе"³³. Этот поразительный факт, подчеркываемый неоднократно М.В. Левченко, требует объяснения³⁴. Молчание византийских историков о крещении Руси М.В. Левченко объясняет тем, что византийские историки как бы "считали унизительным рассказывать об уступках, какие Византия вынуждена была сделать русскому князю"³⁵. В силу отсутствия непосредственных византийских данных исследователи должны обращаться к древнерусским источникам, которые, однако, далеко не лишены противоречий. В этом отношении заслуживают внимания три источника как более или менее достоверные: "Слово о законе и благодати Илариона", "Житие Бориса и Глеба", написанное Нестором, и "Память и похвала Владимиру", приписываемая монаху Якову³⁶. Как дополнительные материалы должны быть учтены данные "Повести временных лет" и других летописей. Из арабских источников своей объективностью и информативностью выделяется раздел хроники Яхья Антиохийского, составленный в первой половине XI в.³⁷. Но и эти источники не располагают довольно точными данными, что видно уже из того, как определяется дата крещения Владимира на Руси. "Повесть временных лет" пишет о крещении князя под 6496 / = 988 г./ . Однако специалисты относят крещение Владимира и крещение Руси к разным датам; так, например, по А.П. Власто, крещение Владимира совершилось в 987 г., а население Киева было крещено только в 990 г.³⁸ у М.Н. Тихомирова этим событиям соответствует дата 988 г.³⁹ Насколько туманны были некоторые события крещения Владимира, видно из того замечания, которое читаем в "Повести временных лет" о месте крещения Владимира: "Се же не свѣдѣше право, глаголють, дано крестилъста естъ в Киевѣ, инни же рѣша в Василевѣ, друзи же инако смяють в Киевѣ"⁴⁰. Однако летописец как достоверное сведение сообщает, что русский князь крестился в

Корсуни в церкви св. Василия. После его крещения произошло бракосочетание с "царицей" Анной. По-видимому, именно тот факт, что Владимир добился своего бракосочетания с сестрой Василия II с помощью военных действий, был той причиной, которой объясняется молчание византийских историков о крещении Владимира и Руси⁴¹. Русские источники рассказывают о первых шагах организации церкви. По известиям "Повести временных лет" после бракосочетания "Болодимер поемъ царицу и Настаса, и попы корсуньски, с мощи святаго Климента и Фива, ученика его, поима съсуды церковныя на иконы ... Постави же церковь в Корсунн"⁴².

В Киеве после массового крещения киевлян князь построил церковь. Вскоре начинается постройка и другой церкви, посвященной Богородице, которую называют и Десятинной потому, что Владимир пожаловал церкви 1/10 часть своих доходов. Другие русские летописи проливают свет на начальные моменты организации русской церкви. В Ипатьевской летописи под 6499 / = 991 г. / читается следующее: "Помы снн создати каменную црковь стѣна вѣа и пославъ приведе мастера . ш горьк ... дано сконча зима. оуцраси ю иконами, и пороучивъ ю Настасоу Корсунанину, и попы корсуньскиа. прѣстави слоужити въ нем, вѣа тѣ все оше въ вѣалъ въ Корсунн иконы и съсуды церковныя . и кресты"⁴³.

Эти данные, несмотря на грекофильную настроенность их авторов, делают бесспорным, что в деле распространения, утверждения и установления христианства Владимир опирался на греческое духовенство, на тех священников, которые прибыли из Корсуни. Среди них упоминается Анастас Корсунский. Иоаким Корсунский станет первым новгородским епископом. Первые каменные церкви строятся византийскими мастерами. Новые церкви обзаведены византийскими школами. Еще не сложилось первое поколение русского духовенства, поэтому Владимир вынужден прибегать к помощи византийского духовенства.

Сначала христианство сосредоточивается вокруг Киева

и только постепенно распространяется и на другие города Руси. По летописным данным, Владимир построил церковь Преображения в Василеве в 995 г. По летописным традициям, при жизни Владимира началась и организация русской церкви: с помощью греков он организовал семь епископий: новгородскую, белгородскую, черниговскую, туrowsкую, владимирскую, ростовскую и полоцкую⁴⁴. Число церквей быстро растет. По Титмару Мерсебургскому, посетившему Киев, только в Киеве было 400 церквей, что маловероятно.

Несомненно, что к эпохе Владимира восходят истоки самостоятельной русской митрополии. Известно, что исторические данные не дают точного ответа на то, кто был первым митрополитом Руси. По Никоновской летописи, обязанности выполнял сам Михаил, присланный императором еще в Корсунь⁴⁵. В церковных уставах, присланных Владимиру, первым митрополитом называется то Михаил, то Леонт, т.е. Леон⁴⁶. По исследованиям А.П. Власто первые митрополиты были греками. Власто дает следующий перечень митрополитов: 1/ Леон /с 992 г./, 2/ Феофилакт /996 г./, практически он не занял своего сана, 3/ Иоанн /1004--1008/, 4/ Феоппт /с 1039 г./ . Конечно, имелись случаи вакансий⁴⁷.

Исследовав список митрополитов, нам кажется неприемлемой теория М.Д. Приселкова, согласно которой древняя Русь, получив христианство от Византии, вплоть до 1037 г. была под непосредственным управлением болгарского патриархата⁴⁸. В пользу теории М.Д. Приселкова говорит широкое распространение древнеболгарского языка и письменности на Руси, которые появились среди русских, как мы видели, намного раньше крещения Владимира и установления христианства при нем. Теория М.Д. Приселкова была принята и развита Х. Кохом⁴⁹. Однако несмотря на остроумные попытки Приселкова, Коха и Вл. Мошина доказать ее жизнеспособность -- она была опровержена И. Снегаровым, оценивающим теорию М.Д. Приселкова

следующим образом: "Всичко това е построено остроумно, но без фактическата основа и в разрез с историческата действителности"⁵⁰. Действительно, в русских источниках нет ни указаний, ни конкретных данных о тех связях болгарской и русской церкви, которые привели к появлению и распространению древнеболгарского языка и древнеболгарской письменности в древней Руси. Единственным исключением является довольно спорное сообщение Якимовской летописи, приведенной в научный оборот В.И. Татищевым. В этой летописи мы находим следующий текст: "По семь нае Владимиръ на българи . и поведи ихъ, миръ оучини и приаха крестенне сам и сынове его, и всю землю Рускую крести. Царь же болгарский Симонъ присла перен учены и книги доволны, и посла Владимиръ въ Царьградъ мо царю и патриаху просити митрополита"⁵¹.

Этот текст со своим явным анахронизмом, предполагая, что русские получили христианство от Симеона /умер в 927 г./ при Владимире, подтверждает, что русская церковь была организована византийской церковью, посланным царем митрополитом. Были предприняты попытки истолковать этот довольно противоречивый текст. Так, например, П.А. Лавровский, не сомневаясь в подлинности Якимовской летописи, доказывая ее достоверность, допуская, что сына болгарского царя Петра называли в честь деда Симеоном, не видит анахронизма в летописи⁵². Вряд ли можно, однако, на таком зыбком основании считать достоверным сообщение Якимовской летописи. И. Снегаров сообщение Якимовской летописи считает сомнительным, намекая на то, что изданная Татищевым летопись может быть и подделкой самого издателя⁵³. Подробности открытия Якимовской летописи внушают скорее сомнение, нежели доверие к источниковедческому значению этой летописи⁵⁴. Если попытки П.А. Лавровского истолковать сообщение Якимовской летописи мы не можем принять, то можно согласиться с его основ-

ным положением, по которому летопись "служит неопровержимым свидетельством, что учение христово, с древнейших дней его появления в нашем отечестве, облеклось в славянское, родное ему слово"⁵⁵. Надо сказать, что в последнее время В. Мошин считает, что историческая основа сообщения Якимовской летописи вполне очевидна, потому, что Владимир мог получить поддержку со стороны Самуила⁵⁶.

Рассмотрев важнейшие моменты церковного управления при Владимире, мы можем установить, что новосозданная русская церковь была организована византийской церковью и стояла под ее непосредственной юрисдикцией.

Наши скромные источники дают нам некоторые сведения не только относительно организации христианской церкви на Руси, но и информацию о просветительской деятельности Владимира. Довольно поздняя Ипатьевская летопись так характеризует книголюбие русского князя: "Въ во люба мнѣнѣнѣа словеса, слыша во единю, ѿсвѣтъмъ чѣмъ"⁵⁷. Хотя эта характеристика может быть своего рода "общим местом", которым следует украсить "равноапостольного" крестителя Руси, мы попытаемся это подвергнуть контролю с помощью других источников.

Житие Владимира, составленное, по всей вероятности, греком, сообщает следующее: "повелѣ крѣстьяномъ ставити церкви по тѣмъ мѣстамъ, нѣже нѣмѣры сторали, а самъ постави черновъ свѣтѣаго Васильѣа на томъ долѣ, нѣже стѣлъ пероуцѣа идолъ и повелѣ попомъ по градомъ и по селомъ люди по крещенію приводити и дѣти оучити грамотѣ"⁵⁸.

В похвале Владимиру монаха Иакова мы можем читать о том, что "и черновъ созда наменну во имя пресвѣтѣаго Вогородица... и дѣбѣтнѣи ѿи ваа... и потомъ всю землю Русскую и грады всѣа украси свѣтѣи церквами"⁵⁹.

В проложном сказании говорится, что Владимир "Повелѣ же

по всемъ градомъ ставити церкви, а самъ созда церковь святую Богородицу"⁶⁰.

Эта информация об организационной деятельности князя Владимира попала, по всей вероятности, и в "Повесть временных лет". Повесть рассказывает о том, как князь собрал детей и организовал для них школу: "Пославъ нава помати у нароутица уади дѣти, и давати нава на ученье книжное. Матере же уади снхъ планажуса по нихъ, еще во вѣду сѧ утвердили вѣроу, но акы по мертвецю планажуса"⁶¹.

Более подробно рассказывает о просветительской деятельности Владимира поздняя, составленная во второй половине XVI в. Патриаршая или Никоновская летопись, куда были включены более ранние летописные сборники. Здесь под 989 г. читаем: "Также по сѣмъ пресвященнымъ Михаилу Киевскимъ и всемъ Руси свѣдасѧ съзидомъ своимъ, съ княземъ Володимиромъ, како наипаче утвердити православную вѣру, и нава отъ отцевъ и матеренъ взимати младыя дѣти и давати во оучилище, учити сѧ грамотѣ. И взѣсти множество училищъ книжныхъ, тѣхъ же всехъ учителей грамотныхъ призъваше изъ сѣбѣ митрополитъ и навазъваше православіе и благоустіе крѣпко създати, и безумныхъ рѣченъ и неподобныхъ ошати сѧ и взѣсти отъ нихъ множество любударыхъ философовъ..."⁶².

Рассказ Патриаршей или Никоновской летописи дополняет интересными подробностями сообщение "Повести временных лет" и других источников об организации школ. Несмотря на некоторое явное преувеличение этой летописи мы можем установить, что в основном она верно рассказывает или реконструирует события, и в этом отношении мы можем принять ее свидетельство как достоверное, ведь, например, в школьном деле больших различий между XI-ым и XV-ым веками не было на Руси. На основании наших данных мы можем восстановить просветительскую деятельность Владимира и дело просвещения

при его правлении следующим образом:

1. Владимир начал строить церкви на Руси. Этот факт, с нашей точки зрения, важен по двум причинам. Во-первых, для того чтобы церкви могли функционировать, нужны были литургические книги; для каждой церкви нужно было обеспечить по 8--10 больших рукописных книг. Во-вторых, в средние века, как известно, церковь имела своей монополией распространение образования. Ее монополией было и просвещение. Только тот мог приобрести "плоды просвещения", кто, крестившись, приобщался к церкви.

2. В организации школ Владимир поступал, по всей вероятности, по совету греческих священников, которые приехали еще из Корсуни и были первыми "сеятелями", распространителями христианства и просвещения. Тот факт, что и в "Повести временных лет", и в Патриаршей летописи употребляются глаголы пымати, давати, взимати, т.е. глаголы с имперфективным, дуративным значением, указывает на то, что дети регулярно вербовались и отбирались для школьного учения. Следовательно, можно предположить, что школ было несколько. Организованные по советам митрополита школы, по свидетельству Патриаршей летописи, были под церковным управлением. Школы служили прежде всего не "мирским", а церковным интересам.

В оценке роли первых школ на Руси Е. Голубинским были высказаны интересные соображения, согласно которым Владимир не только набирал детей "нарочитой чади" для подготовки в священники; дети знатных людей были нужны ему и для государственной службы⁶³. В этой цели Владимира сомнений быть не может. Б.Д. Греков подчеркивает, что детей нарочитой чади набирали для того, чтобы создавать образованных людей и государственных деятелей⁶⁴. Имеется даже такое мнение, что созданная Владимиром школа не была обыкновенной школой, где дети обучались только грамоте. "Обучение книжное" обозначает систематическое школьное препода-

вание. Грамоте обучались не в этой школе⁶⁵. Решение этого вопроса не входит в нашу задачу. Однако несомненным является то, что школы, служившие церковным целям, посредственным образом служили и "мирским" интересам государства. При Владимире, бесспорно, были созданы первые школы, количество которых впоследствии начало расти. Существование школ предполагает обучение грамоте, что влечет за собой и распространение грамотности и развитие книжности.

Рассмотрев период установления христианства при Владимире, мы убедились в том, что в христианизации вначале участвовали греческие "попы", которые прибыли вместе с Владимиром и Анастасом Корсунским из Корсуни. Возможно, что некоторые из них знали русский язык, но вряд ли все они владели им. Они могли выучить русский язык только с течением времени. Однако крестить народ и держать, воспитывать его в новой вере -- это две разные задачи. Для последней нужны были такие священники, которые могли наставлять на своем языке. Одним словом, Владимиру нужен был клир, который мог общаться на своем языке с русскими верующими. Эту функцию могли выполнять болгарские священники, которые пользовались не только своим языком, но и своими богослужебными книгами. Несомненно, что до официального принятия христианства как болгарские книги, так и болгарские священники были известны в древней Руси. Эта традиция продолжалась и усилилась после официального принятия христианства русскими. Эта точка зрения отражается и в советской науке. По этому поводу М.Н. Тихомиров пишет следующее: "Есть все основания предполагать, что русская церковная обрядность X в. опиралась на болгарскую письменность. Во всяком случае никаких намеков на какую-либо другую письменность в русской церковной практике X в. мы не имеем"⁶⁶.

В пользу существования древнеболгарского языка, древнеболгарского духовенства и после крещения Руси говорят

следующие соображения: 1/ более ранняя традиция, т.е. распространенность древнеболгарской письменности и древнеболгарского языка на Руси до официального крещения восточных славян; 2/ относительная терпимость византийской церкви в отношении употребления "народного языка" в церковной, литургической функции. Что касается традиции существования "славянского языка" как богослужебного, следует указать еще на практику и теорию крупного византийского церковного деятеля и ученого, Фотия, который отправил Константина-Кирилла и Мефодия в Моравию. Эта точка зрения Фотия и его круга нашла отражение в венецианском диспуте Константина-Кирилла, опирающегося на слова апостола Павла.

По-видимому, не только Фотию, но и другим константинопольским патриархам была чужда триглоссия. Можно предположить, что константинопольская церковь, исходя из практических соображений, позволяла русской церкви пользоваться литургией на славянском языке. Несомненно, что после покорения Болгарии Византией в Болгарии начались преследования болгарского литургического языка, уничтожение болгарских книг и восстановление "прав" греческого языка как богослужебного. Однако ситуацию в покоренной Болгарии невозможно сравнить с положением русской церкви, той церкви, которая была церковью мощной и могучей в политическом и военном отношении сильной державы. Терпимость к народному языку как литургическому обыкновенно проявляется у византийцев в отношении тех народов, которые живут вне пределов империи, которых Византия намеревалась вовлечь в свою сферу интересов. Таково было положение и с Русью. Конечно, если какая-то страна стала подвластной Византии и ее жители стали ромеями, то и византийская империя потребовала -- как в случае с Болгарией -- употребления греческого языка как литургического вместо местного, живого народного языка.

Насколько важным считалось употребление народного

языка в функции литургического, видно из полемического сочинения против латинян, в котором ослабление православия среди венгров объясняется, между прочим, и тем обстоятельством, что венгры не имели литургических книг на своем языке. Одной из причин неудачи греческой миссии явилось то, что "по языку своему книг не имѣху"⁶⁷.

В этой связи заслуживает внимания ситуация в Венгрии. Начиная с конца 40-х годов X в., Византия развертывает широкую миссионерскую деятельность среди венгров. Несмотря, однако, на это обстоятельство, все термины "греческого христианства" заимствованы венграми из древнеболгарского языка. Это парадоксальное положение удовлетворительно может быть объяснено только так, если предположим, что византийские священники лишь управляли миссионерской деятельностью среди венгров: практически византийская миссия была осуществлена сотрудничеством болгарского духовенства⁶⁸.

Приблизительно таково было положение и в древней Руси: помощниками византийской миссии были болгары, которые имели на своем языке необходимую литературу, созданную с ведома и согласия Византии. 3/ Византийская церковь разрешила русским пользоваться древнеболгарским литургическим языком как своим народным. Предположить это дает нам право обстоятельство, что, говоря на родственных, близких друг другу языках, русские и болгары хорошо понимали друг друга. Не исключено было и то, что в силу указанной близости этих двух языков /о чем уже шла речь/ византийцы полагали, что в основном речь идет только об одном "варварском" языке.

Эти соображения позволяют нам установить, что литургическим языком русской церкви стал древнеболгарский, на котором была создана богатая церковная литература, прежде всего переводная, но также и самостоятельная болгарская литература. Русские познакомились с достижениями византийской литературы посредством древнеболгарского языка и пись-

менности. Таким образом, сначала русские познакомились с памятниками византийской культуры через болгарскую рецензию⁶⁹. В древней Руси появились древнеболгарская письменность в функции "литературы--посредницы" и древнеболгарский язык как носитель этой литературы--посредницы. Конечно, появление древнеболгарской литературы--посредницы повлияло на развитие русской культуры стимулирующим образом. Русские не только пассивно "перенимали" древнеболгарскую литературу, но она получила на Руси своеобразную адаптацию. Этот факт своеобразной адаптации древнеболгарской литературы--посредницы русскими Д.С. Лихачев называет трансплантацией⁷⁰.

История древнеболгарской литературы--посредницы, как и судьбы древнеболгарского языка, связаны с событиями истории русских. В этом отношении особо следует остановиться на деятельности Ярослава Мудрого, значение которой в истории русской культуры не может оспариваться.

Древнерусский летописец так характеризует эпоху и деятельность Ярослава Мудрого, сына Владимира: "Отец во сего Володимерь землю взора и . . . реще просвѣтитъ. Съ же настѣа книжныи словесы вѣрихъ людии"⁷¹

Княжение Ярослава Мудрого, хотя вначале оно казалось не многообещающим, принято сравнивать с княжением Симеона в Болгарии⁷². Е. Голубинский отозвался о заслугах сына Владимира таким образом: "Русь, крещенную Владимиром, он сделал книжною и грамотною"⁷³. Он основал культуру древней Руси, заменяя простую грамотность на более высокий уровень, на уровень просвещения.

С нашей точки зрения, можно определить важнейшие моменты просветительной деятельности Ярослава Мудрого следующим образом. 1/ Организация школ, 2/ постройка новых церквей и первых монастырей в Киеве, 3/ организация "проводческой мастерской" и скриптория в Киеве, 4/ стремление освободить русскую церковь от греческого влияния.

В дальнейшем мы отдельно остановимся на этих моментах деятельности Ярослава Владимировича.

1. В "Повести временных лет" отсутствует сообщение о Ярославе как организаторе школы в Новгороде /нет такого и в Ипатьевской летописи/. Однако в Патриаршей летописи под 6538 /1030 г./ читается следующее: "и приае Новугороду и соврвзъ отъ старостъ и отъ прѣзвитерова дѣтен 300 и повелъ ѹнѣти книгамъ"⁷⁴. В специальной литературе высказано мнение, согласно которому здесь идет речь о такой школе, задачей которой была подготовка священников⁷⁵. Естественно, это предположение может быть целиком приемлемым только тогда, если будет определена разница между оборотами ѹнѣти книгамъ и ѹченѣние книжноѹе. Несомненным является также и то, что 300 учеников для подготовки священников -- это "цифра не маленькая даже для такого города, как Новгород"⁷⁶. Целью создания школы было "обеспечение" города священниками и грамотными людьми, что вполне понятно. Это стремление Ярослава увенчалось крупными успехами, ведь берестяные грамоты, найденные в Новгороде, свидетельствуют о широком распространении грамотности. Памятником новгородской школьной жизни и обучения грамоте являются берестяные грамоты, исполнителем которых был мальчик Онфин на рубеже XII--XIII вв.⁷⁷ Возможно, дети этой школы учились по болгарским книгам и по ним усваивали древнеболгарский язык⁷⁸.

2. "Повесть временных лет" подчеркивает, что Ярослав кроме киевских церквей строил и другие церковные здания: "и нмѣи цѣркви ставлаше по градомъ и по мѣстомъ, поставляша попы и даша нмъ отъ имѣнья своего ѹронъ, велѣи нмъ ѹнѣти люди"⁷⁹. В столице Руси он построил Золотые ворота, над которыми был сооружен храм Благовещения. Он основал два монастыря: мужской св. Георгию и женский св. Ирине, недалеко от крупнейшего сооружения, возведенного Ярославом в Киеве

-- от собора Софии, который был основан в 1037 г. Новые церкви и особенно новые монастыри без книг не могли выполнять своих функций. Нехватка книг явно была осязаемой, что объясняется полным покорением Болгарии /1018/ Византией: болгарские рукописи русским уже не были доступны; или же ввоз книг на Русь значительно затруднялся. В такой ситуации русским приходилось обращаться к уже существовавшим в древней Руси более ранним спискам древнеболгарских рукописей и заниматься их списыванием. Сам князь сознавал затруднения с ввозом болгарских книг и предпринимал необходимые меры.

3. "Повесть временных лет", характеризуя Ярослава Мудрого, красноречиво описывает его книголюбие: "И книгамъ прилежа, и почитае в часо въз ноши и въз дне. Ярославъ же сси, якоже рекохомъ, любивъ въз книгамъ"⁸⁰. Однако не только книголюбие заставило Ярослава создать переводческую мастерскую в Софийском соборе, но также и реально осязаемая нехватка книг. О крупных мероприятиях князя мы читаем в "Повести временных лет": "И собра писцы мнози и прекладаше от грѣкъ на словѣньское писмо. И списаша книги мнози", "И мнози написавъ /т.е. книги/ положи в святѣи Софѣи церкви юже созда самъ"^{80а}. У специалистов на это сообщение летописи выработались разные точки зрения относительно того, идет ли речь о переводе греческих книг, или же летописец имел в виду лишь списывание книг. По нашему мнению, здесь речь идет о двух типах деятельности писцов: 1/ о переводе книг с греческого языка на древнеболгарский язык русского извода и 2/ о списывании рукописей древнеболгарских памятников письменности, так как новые церковные учреждения нуждались в книгах в большом количестве. Что касается переводов с греческого языка, то, вероятно, они представляли собой прежде всего "мирские" книги. Еще А.И. Соболевским был отмечен круг тех произведений, которые были переведены на Русь. К ним относятся такие переводы, как Житие Андрея

Юродивого, Топография Козьмы Индикоплова, История иудейской войны И. Флавия и многие другие⁸¹. Была высказана интересная гипотеза относительно того, что хроника Георгия Амартола и История иудейской войны были переведены в Киеве в эпоху Ярослава⁸².

Особенно важной для нас является "техническая сторона" основания мастерской, созданной Ярославом Мудрым. Больше всего этими вопросами занимался Е. Голубинский, указавший на то, что Ярославу потребовалось приобрести прежде всего греческие оригиналы для перевода, обеспечить писцов писчими материалами, пергаменом, материально их обеспечить /платить им/. Но для нас самым важным является вопрос о том, откуда набрал князь самих писцов, ведь "в тогдашнем Киеве он ни под каким видом не мог найти более десяти писцов"⁸³. Е. Голубинский предполагает, что часть переводчиков Ярослав пригласил из Болгарии, что является весьма правдоподобным. По мнению В.И. Истрина, в этой переводческой школе переводчиками могли быть обрусевшие болгары и выросшие "нарочитые чади"⁸⁴. Из русских книжников, по всей вероятности, со скрипторием и библиотекой Ярослава Мудрого был связан будущий митрополит Иларион⁸⁵. Переведенные книги /или только их часть/ были переданы Софийскому собору, где они и хранились. Таким образом, первая "публичная" библиотека на Руси была создана в соборе Софии. Нам кажется, что сама "мастерская" и скрипторий находились также в соборе или недалеко от него. Несомненно, что мероприятия Ярослава имели важные последствия и в том отношении, что в Киеве зародилось сословие ремесленников--писцов.

4. При Ярославе Мудром в Киев прибыл новый митрополит -- грек из Византии -- Феопемпт /ок. 1039 г./. Известно, что Ярослав после смерти новгородского епископа Иоакима Корсунянина /1036 г./ назначил новгородским епископом не грека, а русского Луку Жидяту, что вряд ли обошлось без осложнений⁸⁶. Ярослав не желал быть вассалом византийско-

го императора. Его стремление к самостоятельности нашло отражение и в его церковной политике: он назначил епископом русского. К началу 40-х годов, по-видимому, отношения Руси с Византией ухудшились. В 1043 г. вспыхнула непродолжительная русско-византийская война, оказавшаяся неудачной для русских. Военные действия, с одной стороны, и стремления Ярослава к церковной независимости, с другой, несомненно, сыграли значительную роль в том, что Ярослав на место удалившегося в Византию митрополита Феопемпта поддержал избрание своего кандидата Илариона, как об этом свидетельствует сообщение "Повести временных лет" под 6559 /1051 г./: "Постави Ярославъ Илариона митрополитомъ, русина въ селати Софьи собравъ епископы". Возведение Илариона в митрополиты с точки зрения Ярослава было совершенно законным делом. Собралось совещание русских епископов в соборе Софии, где епископы выбрали митрополитом Илариона -- талантливого, ученого церковного проповедника. Однако, по византийскому церковному праву возведение Илариона было незаконным, поскольку его избрание было совершено без согласия константинопольского патриарха. Естественно, патриарх отказал в утверждении русского митрополита, и Иларион должен был оставить свой сан. Новым киевским митрополитом стал Ефрем.

Попытки Ярослава Мудрого завоевать церковную независимость Руси оказались неудачными. Однако на этом пути он сделал первый шаг. Некоторый успех был достигнут преемниками князя: еще при Ярославе почти все епископы были греками, но после его смерти большинство епископских кафедр было занято русскими несмотря на то, что митрополиты приезжали из Константинополя⁸⁷. Стремлением освободиться от греческого влияния, очевидно, можно объяснить и тот факт, что Ярослав собрал значительное количество писцов, чтобы они переводили книги с греческого языка.

Несомненно, что роль, функция и авторитет "книжного почитанья" выросли на Руси при Ярославе. Уважение к книгам и чтению книг выражается и автором "Повести временных лет", который красноречиво излагает большую пользу "от ученья книжного".

Бесспорным является факт, что при Ярославе просвещение действительно ярко процветало в Киеве и других крупных городах древней Руси, что скрывало в себе дальнейшие возможности роста и распространения просвещения.

При Ярославе и его преемниках несмотря на княжеские междоусобицы и войны значительно возросло число церквей. Рост церквей означает не только то, что в больших городах увеличивалось количество церквей. Рост церквей выражался и в том, что церкви, зачастую значительно по своему размеру, строятся и в тех русских городах, где раньше их вообще не было или, если они и были, то были просто деревянными. Так, в 1045 г. Владимир Ярославович основал Софийский собор в Новгороде. Строится церковь и в Полоцке. Новые епархии были учреждены в Юрьеве, Переяславле. Рост числа церквей означал, что растет спрос на церковные книги. По подсчетам В.В. Сапунова, "предельный минимум" книг для приходской или домово́й церкви приближался к восьми /что считается некоторыми специалистами слишком скромным/⁸⁸. Быстрый рост церквей повлек за собой возрастающее число церковных книг.

В древней Руси до конца XI в. так сложился процесс постройки церквей в больших городах:

Киев: Десятинная церковь /освящена в 996 г./, Святая София /1037 г./, церковь Благовещения над Золотыми воротами, собор Георгиевского монастыря, собор Ирининского монастыря /основанные Ярославом Мудрым/, собор Дмитриевского монастыря /до 1062 г./, собор Николаевского женского монастыря, собор Симеоновского монастыря, основанный Святославом Яро-

славичем до 1075 г., собор Михайловского Выдубицкого монастыря /1070--1088 гг./, собор монастыря Печерского /ок. 1070--1080 гг./, собор Михайловского Златоверхого /1108 г./, собор Спасского монастыря /ок. 1072 г./. Таким образом, в Киеве до конца XI в. было построено 12 каменных церквей, из которых 9 находилось в разных монастырях.

Переяславль: собор архангела Михаила /освящен в 1089 г./, церковь св.Андрея /упоминается под 1089/1090 гг./, церковь Богородицы /1098 г./.

Чернигов: Спасский собор /1036 г./.

Полоцк: церковь св.Софии /до 1101 г./.

Смоленск: Собор Успения Богородицы /до 1101 г./.

Новгород: кафедральный собор св.Софии /1045--1053 гг./, церковь Благовещения /1103 г./, церковь Николая /1113 г./, церковь Феодора Тирона /1115 г./, церковь Николая Стратилата /1118 г./, церковь Рождества Богородицы /1117--1119 гг./, церковь монастыря св.Георгия /1119 г./.

Интересно, по данным составленного нами списка каменных церквей Руси, что в Новгороде значительно запаздывает постройка каменных церквей, чем в Киеве: в XI в. в Новгороде была построена только одна каменная церковь /собор св. Софии/, тогда как в Киеве за этот период было построено 12 каменных церквей. Конечно, деревянные церкви могли быть как в Киеве, так и в Новгороде. По-видимому, при такой "некаменной" церкви была организована школа, которая предназначалась Ярославом Мудрым в 1031 г. для подготовки священников. По всей вероятности, она находилась при тринадцатиглавной деревянной Софии, построенной еще в 989 г.

Еще больше книг требовалось для монастырей. Для них необходимо предположить наличие большого количества учительских книг. Жизнь монастыря и монастырской братии определялась Уставом. По "Повести временных лет", в 1051 г. игумен

Печерского монастыря Феодосий ввел в монастырь устав греческого Студийского монастыря /в редакции патриарха Алексея/. Устав был списан иноком Ефремом в одном из константинопольских монастырей, откуда рукопись устава он переслал Феодосию⁸⁹. По уставу, чтение занимает значительное место в монашеской жизни. В трапезнице монахи при чтении питаются, и во время трапезы "внимают" душеполезным учениям предлагаемого чтения⁹⁰. В свободное время монахи "собираются в библиотеку и берет каждый книгу и читает до вечера". Сам Феодосий учил братию, как это было предписано уставом, заниматься дочитанием книг⁹¹. По 26-ой статье устава монастыри должны иметь библиотеку и книгохранителя, который заботится о выдаче и водворении книг в библиотеку. В рукописи Студийского устава XII в., хранящейся в ГИМ, на листе 261 читаем советы, как надо "всащѣмъ прилежаннѣмъ книги, блюсти". Здесь предписывается беречь хартию от "остквернения"⁹². В монастырской библиотеке, как правило, имелась богатая коллекция рукописных книг. Монастырские собрания книг обыкновенно состояли из рукописей различного назначения: на первом месте следует упомянуть рукописи, предназначенные для богослужения. "Четы книги" содержали назидательные чтения и были предписаны для монастырской братии. Наконец, имелись книги и для чтения в келии; они составляли "келийную литературу"⁹³. В крупных монастырях имелись и скриптории, где монахи списывали рукописи для библиотеки своего монастыря. По Студийскому уставу, каллиграфы имели своего рода "уступки" в строгой монастырской жизни⁹⁴. По-видимому, грамотность была одним из требований, предъявлявшихся к монахам. Из сказанного выше явствует, что рост монастырей, с одной стороны, означает и рост спроса на книги и рост рукописей, списанных в монастырских скрипториях. С этой точки зрения оказывается небезынтесным рассмотреть процесс постройки известных нам

монастырей до первой половины XII в.

Киев: Георгиевский, Ирининский женский /основаны Ярославом Мудрым/, Дмитриевский, Николаевский женский /построенные Изяславом -- 1078 г./, Печерский, основанный Антонием /вышедший на верх земли в 1062 г./, монастырь св. Мины, Михайловский Выдубицкий, Андреевский Янчин, основанные Всеволодом /1093 г./, Михайловский Златоверхний, построенный Святополком Изяславичем /1113 г./, Кловский, построенный Стефаном, бывшим игуменом Печерского монастыря, Спасский Берестовский /ок. 1072 г./, Федоровский /1128 г./, Лазарев монастырь /ок. 1113 г./.

Переяславль: Иановский /ок. 1072 г./, Борисо-Глебский /ок. 1074 г./.

Чернигов: Успенский или Болдинский /ок. 1074 г./, Ильинский-Троицкий, построенный Святославом.

Владимир Волынский: Святогорский /до 1074 г./.

Полоцк: Спасский, Богородицкий, построенные Ефросинией Полоцкой.

Смоленск: Борисо-Глебский /ок. 1138 г./.

Новгород: Антониев монастырь /1117 г./, Юрьев монастырь /ок. 1119 г./, Воскресенский женский /ок. 1138 г./, Зверин /1148 г./.

Суздаль: Дмитриевский /ок. 1096 г./

Тмутарокань: монастырь Богородицы, основанный Никоном.

Этот список монастырей, просуществовавших на Руси до первой половины XII в., наглядно показывает, как было необходимо большое количество рукописей для того, чтобы обеспечить монашествующих соответствующими книгами.

Монастыри имели большое значение в деле распространения просвещения, книжности, образованности. Они были "центрами письменности и образования. Более или менее богатый

древнерусский монастырь обычно имел хорошую библиотеку и при ней штаты писцов. Здесь вырабатывались определенные навыки писцов, трудившихся над перепиской книг. Здесь же создавались и оригинальные памятники, напр., жития святых, летописи, различные церковные сказания"⁹⁵.

Наряду с Софийским собором в Киеве центрами образования стали именно монастыри. Из всех киевских и русских монастырей своей крупной просветительской ролью выделяется Печерский монастырь. Печерский монастырь был поддержкой Ярослава в его борьбе за церковную самостоятельность. Здесь жили выдающиеся люди эпохи, которые своей деятельностью содействовали развитию и распространению просвещения, образования и письменности на Руси. С монастырем был связан и митрополит Иларион. Основатель монастыря Антоний был незаурядным человеком. В монастыре проживали такие деятели древнерусской культуры, как Феодосий Печерский /1074 г./, Никон, продолжатель летописи, Мних Иаков, написавший "Похвалу князю Владимиру" и знаменитый Нестор--летописец. Мы имеем косвенные данные относительно библиотеки монастыря: в XIII в. здесь хранились еще греческие книги, привезенные византийскими живописцами еще во второй половине XI в.⁹⁶. Можно сделать вывод и о том, что здесь работал уже при Феодосии скрипторий и мастерская для переплета книг. Известно, что инок Ларион "взялъ дитро писати книги", Феодосий пряд нити для переплета, а Никон переплетал рукописи, списанные в монастыре⁹⁷. Не все признают в Киево-Печерском монастыре существование скриптория. Напр., В.В. Розов предполагает, что книги оформлялись по кельям⁹⁸. О высоком культурном уровне Печерского монастыря свидетельствует тот факт, что, по словам епископа Симеона, около 50 епископов, поставленных на Руси до первой четверти XIII в. были воспитанниками Киево-Печерского монастыря. Действительно, этот монастырь служил "школой" подготовки древнерусских книжников.

Третьим культурным центром Киева был Выдубицкий монастырь, развивший свою деятельность в XII в.

Известно, что в Киеве возникли Изборник 1073 и Изборник 1076 г. Неизвестно, где были списаны или составлены эти рукописи /в случае Изборника 1076 г./. Однако в Изборнике 1076 г. писец, руководивший главной работой по переписыванию, на л. 275б-276а пишет следующее: "изърано изъ мѣ] ногъ книга княж | нѣз". Выходная запись писца Иоанна позволяет установить, что переписывание было совершено там, где хранились "князьи книги", т.е. вне монастырских стен. Нам кажется, что при соборе Софии существовал княжеский скрипторий; там списывались рукописи светского характера. Вторым культурным центром древней Руси в конце XI в. был Великий Новгород, где в Софийском соборе сложилась вторая публичная библиотека на Руси. Здесь своеобразными факелами культуры служили Юрьев, Хутынский, Антониев и Воскресенский монастыри⁹⁹.

Значение Новгорода в истории русской письменности доказывает то обстоятельство, что большинство сохранившихся рукописей X--XIII вв. составляют рукописи новгородского происхождения. В этом можно видеть продолжение рукописной традиции. Известно, что древнейшая, известная нам русская книга была списана в Новгороде в 1046 г. новгородским Упырем Лихим. В других городах древней Руси также возникали центры письменности: во Пскове, Галиче, Смоленске /Зарубский монастырь/.

В сохранившихся до нас рукописях иногда в записях, сделанных писцами, мы находим интересные сведения об их писцах. С XI по XIV вв. известно 144 имени писцов. Писцы по социальному составу делились на три группы: представители белого /39/ и черного /17 имен/ духовенства, а также люди, не указавшие своей принадлежности к духовенству /89

имен/, что скорее свидетельствует о "мирском" происхождении мастеров, писцов книг. Н.Н. Розов установил и то, что в сохранившихся рукописях X--XIII вв. всего лишь один раз указывается, что писец был монахом¹⁰⁰. Этот факт явно противоречит тому, что мы знаем о роли монашествующих в истории просвещения на Руси. По-видимому, среди тех писцов, которыми не была указана их принадлежность к духовному сословию, были и монахи, которые считали неуместным увековечить свое имя.

Введение Студийского устава и в других монастырях Руси, несомненно, сыграло большую роль и в том, что к чтению проявлялся большой интерес. Об этом возрастающем интересе свидетельствует приписка на л. 16 Папдектов Антиоха, рукописи XI в. из Воскресенского собрания ГИМ. Рукопись № 30 Воскресенского собрания содержит Папдекты Антиоха Чернорица, писателя VI в. Папдекты Антиоха предназначались для монашествующих как учительная литература, которая была призвана наставлять монаха на правильный христианский образ жизни. Папдекты составляли, бесспорно, часть той литературы, которая читалась в монастырях. Однако на л. 16 находится другой текст под заглавием "Слово о пользе чтения книг" Иоанна Златоуста. Это "Слово", приписывавшееся Иоанну Златоусту, в действительности вышло из-под пера Ефрема Сирина. Оно попало в Скитский патерик, который /или часть его/ стал известным на Руси уже в XI в. Из утерянного Скитского патерика списали "Слово о пользе чтения книг" в рукопись, предназначенную для ежедневного чтения. "Слово о пользе чтения книг" в действительности не излагает преимущества "книжного почитания", а дает практические советы, относящиеся к технике чтения книг¹⁰¹. По-видимому, неизвестный писец, почерк которого отличается от остальных почерков Папдектов, счел нужным и целесообразным научить братию правилам правильного, эффективного чтения и с этой целью из Скитского

патерика списал "Слово о пользе чтения книг" на свободный лист рукописи с Папдектами Антиоха. Если допустить, что "Слово о пользе чтения книг" было списано почти одновременно с основным текстом рукописи Воскр.30 или немного позднее ее возникновения, но после введения в русских монастырях Студийского устава в 70-х годах XI в., то можно предположить, что "Слово о пользе чтения книг" является очень ранним текстом. Известно, что "Слово некоего калугера о пользе чтения книг", с которого начинается Изборник 1076 г., считается более или менее самостоятельным сочинением, возникшим на Руси¹⁰². Несомненно, что помещенный в рукописи Воскр.30 текст служил источником при компоновке "Слова некоего калугера о пользе чтения книг". Безусловно, советы "Слова о пользе чтения книг" были весьма актуальными для "книжных людей" Руси XII в. и поэтому книжники охотно их цитировали, даже с его помощью сочиняли новый текст -- "Слово" вступило на путь к самостоятельной литературной деятельности. Воскресенский вариант "Слова о пользе чтения книг" попал в Патерик Скалигера. Популярность таких практических советов о технике чтения доказывается и тем, что "Слово" св.Ефрема о том, как надо читать книги, переработано одним из составителей Троицкого списка Новгородской первой летописи¹⁰³.

Среди исследователей нет сомнения в том, что византийно--христианская литература водворилась на Руси прежде всего путем появления болгарской литературы--посредницы. Однако в нашем распоряжении, как и это неоднократно подчеркивается специалистами, нет непосредственных указаний на то, как проявилась и распространилась болгарская письменность. Только косвенным путем можно установить важнейшие моменты русско--болгарских культурных связей. С этой точки зрения заслуживает внимания вопрос о появлении болгарской письменности на Руси. Относительно этого вопроса за последнее вре-

мя было высказано две интересные гипотезы.

Известный текстолог и палеославист Л.П. Жуковская, рассматривая судьбу оригинала Изборника Святослава 1073 г., устанавливает три пути, по которым шли рукописи из Болгарии на Русь. Эти пути иллюстрируются судьбой Изборника Симеона, который стал оригиналом для Изборника 1073 г.

1. Изборник Симеона был захвачен или куплен древнеруссами во время походов в Болгарию.

2. Русские могли получить Изборник как подарок от византийцев, которые захватили Болгарию после победы Цимисхия.

3. Изборник мог быть передан самими болгарами, сбежавшими от византийцев на Русь.

Рассмотрев эти возможности, Л.П. Жуковская предполагает, что сборник Симеона попал на Русь вместе с теми болгарами, которые бежали на Русь в 1001--1014 гг.¹⁰⁴

Слабой точкой гипотезы Л.П. Жуковской является то обстоятельство, что на Русь попал не только Изборник Симеона. Должны были переходить -- и переходили -- в большом количестве и другие древнеболгарские книги. Однако не исключено, что в случае других рукописей имело место первый или второй путь миграции книги на Русь. М.В. Щепкина, один из лучших знатоков древнерусской письменности, разработала весьма интересную гипотезу, по которой она объясняет появление и распространение древнеболгарского языка и древнеболгарской письменности на Руси после крещения Владимира. Болгарское влияние, которое никто не может отрицать, осуществлялось постепенно в несколько фаз. М.В. Щепкина на основании некоторых соображений И.И. Срезневского и А.И. Соболевского предполагает, что 1/ священники, прибывшие с Анной, женой Владимира, вербовались из представителей болгарского духовенства Восточной Болгарии. "Они говорили на старославянском языке, владели славянской письменностью"¹⁰⁵. Епископы Анастас и Иоаким, первые сподвижники Владимира,

были выходцами из Восточной Болгарии. 3/ Император Василий II, пославший опытных священников из Восточной Болгарии, послал с Анной и книги, написанные кириллицей. 4/ Возможно, что по приказанию императора в Киев перевезли роскошную библиотеку царя Симеона, захваченную из Преслава Иоанном Цимисхием¹⁰⁶.

Некоторые списки, выполненные русскими писцами, выдаются роскошно оформленный восточнoболгарский оригинал, который с течением времени погиб, был уничтожен на Руси. Такими были оригиналы Изборника 1073 г., Учительного евангелия Константина Преславского XII в., Слово об Антихристе. Общей чертой этих трех списков является то, что в их оригиналах имелось изображение болгарских князей. В Изборнике Святослава изображение Симеона и его семьи заменено миниатюрой о Святославе и его семье. В остальных двух рукописях сохраняется изображение Бориса-Михаила. М.В. Щепкина полагает, что оригиналы этих рукописей составляли часть библиотеки Симеона. Исследователь предполагает, что на Русь перешла вся библиотека болгарских князей, хранившаяся с 971 года в Софии в Константинополе¹⁰⁷. После 988 г. древнеболгарские писцы переселились в Киев. Этим объясняется быстрое распространение грамотности на Руси. Гипотеза М.В. Щепкиной является пока остроумной рабочей гипотезой, однако исследователь подчеркивает: "Нам кажется, что другого способа распространить просвещение в Киевской Руси не было. Как ни мало следов осталось от этого просвещения, но они остались, и они настолько характерны, что другого объяснения найти нельзя. Эти учителя и эти книги внесли просвещение в Киевскую Русь и воспитали таких людей, как Иларион и Феодосий"¹⁰⁸.

Известный специалист в области "миграции болгарских книг" Куйо Куев останавливается на тех моментах русско--болгарских контактов, которые обуславливали появление бол-

гарских рукописей на Руси. Он выделяет следующие моменты:

1. Два похода русского князя Святослава. Русские войска, оставляя Болгарию, вывозили среди других вещей и рукописи.

2. После покорения Болгарии Цимисхием /972 г./ болгарские эмигранты вывозили с собой в Киевскую Русь и болгарские книги.

3. Русско--болгарские связи особенно оживленными стали после крещения Руси Владимиром. Владимир, обремененный византийской церковной политикой, порывает церковные связи с Византией и обращается за помощью к Охридскому княжеству, откуда идут на Русь книги и священники. Первый киевский митрополит -- легендарный Михаил -- был болгаринном из Охрида¹⁰⁹. Он прибыл в Киевскую Русь со своими священниками. Видимо, последнее предположение, основанное не на некоторых данных охридской рукописи, исследованной В. Мошниним, является, в основном, ревизией гипотезы М.Д. Приселкова о принадлежности русской церкви к болгарскому патриархату, что требует дальнейших исследований.

Соображения о конкретных путях и способах появления и распространения древнеболгарской письменности не освещают пока с надлежащей полнотой проблематику русско--болгарских контактов, однако имеются некоторые положения, которые правдоподобным образом могут определить направление и ход дальнейших исследований.

Одним из первых вопросами появления болгарских рукописей на Руси занимался А.И. Соболевский, выдвинувший положение, согласно которому русские рукописи, сохраняющие особенности "азбуки и орфографии" своих оригиналов, могут дать ответ на конкретные вопросы русско--болгарского сотрудничества в деле просвещения Руси. Он указал на то, что "первые" древнеболгарские рукописи были написаны частично кириллицей и частично глаголицей. Среди них были тексты, в которых на месте ѣ, ь пишется буква о, в /напр., Евгениев-

ская псалтырь/. Трудно допустить, подчеркивает исследователь, что русские в X--XII вв. имели значительные сношения с самой Болгарией, поэтому он предполагает, что древнеболгарские книги попали в Киевскую Русь через посредство Константинополя¹¹⁰. Однако, как подчеркивает ученый, среди рукописей, бытовавших на Руси в X--XII вв., "в большом количестве" были рукописи восточноболгарского происхождения. "Из них русские должны были заимствовать азбучную систему и начертание букв"¹¹¹. Последнее заключение, сделанное А.И. Соболевским, имеет принципиальное значение. Из изложения концепции А.И. Соболевского можно было бы сделать вывод о вторичности, о более позднем появлении восточноболгарских рукописей на Руси, хотя этого он определенно не утверждает. В исследованиях А.И. Соболевского большое значение приобретает вопрос о восточно- или западноболгарском влиянии на русскую письменность. В этом направлении работали В. Мошин и Б.Ст. Ангелов.

Б.Ст. Ангелов, рассматривая истоки русско-болгарских литературных связей, приходит к заключению о том, что русская письменность и литература до официального крещения Руси были связаны со славянской письменностью Болгарии, в частности, Западной Болгарии, откуда на Русь шли рукописи, написанные, "по всей вероятности", глаголицей¹¹².

Изучая конкретные исторические условия X--XI вв., В. Мошин приходит к заключению, что существовали непосредственные связи Киевской Руси с Балканами после крещения Руси Владимиром, однако они были недолговечны: они охватывали всего лишь 12 лет. Однако между 989--1001 гг. Самуил, захватив у византийцев Преславскую область, имел непосредственные контакты с Киевской Русью на Дунае. Эти контакты способствовали связям Владимира и Самуила в области культуры и в устройстве русской церкви. Принимая в основном достоверность сообщения Якимовской летописи и восстанавливая ее значение, В. Мошин устанавливает, что при организа-

ции русской церкви Владимир мог получить славянских священников только у Самуила и охридского патриарха¹¹³. Эти связи с Болгарией были весьма интенсивными, поскольку только силой этих контактов было обусловлено бурное развитие письменности на Руси при Владимире и Ярославе, хотя В. Мошин не исключает и роли волны болгарской эмиграции в первом десятилетии XI в.¹¹⁴ Исследователь одновременно подчеркивает значение западноболгарского влияния, не отрицая важную роль Преславской Болгарии¹¹⁵. Гипотеза первичности западноболгарского влияния на русских, конечно, не новая. Она была разработана литературоведами и лингвистами. М.Н. Сперанский, обследовав литературные памятники, перешедшие на Русь, установил, что до-Владимирово христианство может быть охарактеризовано как западноболгарское¹¹⁶. Н. Гринкова, изучавшая языковые особенности Евгеньевской псалтыри, также подчеркивает западноболгарские особенности языка этого ценного памятника¹¹⁷. Первичность западноболгарского влияния была подчеркнута и Г. Кохом, поддерживавшим гипотезу Приселкова с указанием на западноболгарский характер Евгеньевской и Толстовской псалтырей¹¹⁸.

Совершенно противоположная точка зрения была высказана известным русским языковедом Н. Дурново, установившим, что "Русские получили письменность и знание ст-сл. от восточных болгар. Но позднее, при Ярославе и его преемниках, русские, по-видимому, были в более близких сношениях не с восточными болгарскими, как при Володимире, а с западными или скорее, с македонцами и сербами"¹¹⁹. Вопрос о характере ранних русско-болгарских контактов остается и в настоящее время дискуссионным.

Прежде чем закончить наш анализ, следует сказать несколько слов о центрах византийно-славянского, прежде всего русско-болгарского сотрудничества. Этот вопрос также далек пока от полного, удовлетворительного решения. При-

нито говорить, что значительная масса болгарских учителей и священников проявилась на Руси. Однако наши источники молчат о них. Мы нашли только одно упоминание о болгарском монахе. В рассказе Киево-Печерского патерика о пути Никона в Тмуторокань говорится о паломнике--болгарине, желавшем посетить Константинополь, который отправился в путь вместе с Никоном и другими монахами: "Болгаринъ оубо изиди на Константиноградѹ обрете островъ среди моря и вселися на нем" /цитируется по книге М.В. Левченко/¹²⁰. Несомненно, однако, что такие центры сотрудничества существовали. В Константинополе проживала значительная масса русского населения. Здесь славяне обыкновенно останавливались в монастыре св. Мамонта. Известно, что инок Ефрем прибыл в Константинополь изучать Студийский устав по поручению Феодосия Печерского. Ваарлам, монах Печерского монастыря, также предпринял путешествие в Константинополь и сделал там покупки для своего монастыря. Около 1114 г. русский паломник игумен Даниил с большой группой паломников посетил и Константинополь. Как паломник побывал там и Дионисий в 1134 г. Известно, что Мстиславово евангелие для переплета было отправлено князем Мстиславом Владимировичем также в византийскую столицу.

Нельзя оставить без внимания Афон, здесь русская монастырская община существовала уже до 1016 г.¹²¹. Сначала русские монашествующие жили в монастыре Древодеда, но потом они переселились в монастырь св. Пантелеймона. Афон посетил и монах Антоний, основатель Киево-Печерского монастыря /до 1050 г./. Славянские монахи жили в Зографском и Хиаландерском монастырях. О том, что в русском монастыре велось списывание, а возможно, и перевод книг, свидетельствует список рукописей, в котором указаны только русские рукописи. По всей вероятности, в монастыре жили иноки, специально занимавшиеся переписыванием книг. Интересно, что

некоторые книги имелись в большем количестве того, что предполагалось для литургии в монастыре. Они были подготовлены для отправки на Русь или в соседние славянские страны¹²².

Как о центре сотрудничества русских с болгарами и с другими южными славянами следует говорить и о монастыре св. Екатерины на Синае, основанном еще в VI в. Русские рано проявили большой интерес к святым местам, к Палестине¹²³. Паломники уже в XI в. побывали в Иерусалиме. Варлаам Хутынский ок. 1060 г. посетил Иерусалим и через Константинополь вернулся на Русь. Русские паломники Даниил /ок. 1115 г./ и Дионисий также ходили в Иерусалим. Женщины также принимали участие в паломничестве. Так, например, Ефросиния Полоцкая посетила Иерусалим и святые места /1173 г./. Известно, что в монастыре св. Екатерины хранились такие драгоценные памятники древней славянской письменности, как Синайский Требник, Синайская псалтырь и часть Добромирова евангелия. С начала 70-х годов /1971 г./ большое количество доселе не известных славянских рукописей было обнаружено М. Альтбауэром. Особого внимания заслуживает рукопись под сигнатурой № 6, которая содержит в себе продолжение известной в литературе Бычковской псалтыри. Бычковская псалтырь, по всей вероятности, относится к концу XI в. или к началу XII в.¹²⁴. Ленинградская часть Бычковской псалтыри состоит из 8-и листов. Синайское продолжение Бычковской псалтыри составляет 135 листов. Недавно новые отрывки этой древнерусской псалтыри были открыты М. Альтбауэром в замурованной келье монастыря среди 200 рукописей разного происхождения. Таким образом, Бычковская псалтырь /в Ленинграде/ и рукопись № 6 на Синае и третий фрагмент /второе продолжение Бычковской псалтыри/ составляют большую рукопись XI/XII в. Этот древний список псалтыри был списан на Руси, возможно в ее столице, Киеве. Однако он сравни-

тельно рано попал в монастырь св. Екатерины, очевидно, еще в XII в. Факт появления Бычковско--Синайской псалтыри /как эти фрагменты называются в последнее время/ на Синае, свидетельствует о том, что русские монахи, которые привезли с собой эту рукопись, уже в XII в. поселились в синайской обители. Среди славянских рукописей монастыря св. Екатерины хранятся и фрагменты русского часослова XIII--XIV вв. Это обстоятельство позволяет нам предположить, что появление русских монахов не было эпизодическим событием монастырской жизни на Синае. Русские продолжали посещать монастырь св. Екатерины. Этот монастырь был одним из центров сотрудничества между славянами. В этой связи следует указать на приписку иеромонаха Иоанна, которая находится в одной из синайских рукописей. Иоанн списал псалтырь с двух оригиналов, хранящихся на Афоне. Позже рукопись была перевезена в монастырь св. Екатерины, где она хранится и ныне. Перевоз рукописи с Афона на Синайскую гору свидетельствует о том, что в средние века контакты среди славянских монахов были тесными. Несмотря на большое географическое расстояние, русские монашествующие посещали и далекие от Киевской Руси монастыри. Продолжение Бычковской псалтыри, часослов XIII--XIV вв. подтверждают, что русские монахи с XII в. появлялись на Синае, где они сотрудничали со своими славянскими собратьями.

Рассматривая первые два столетия распространения древнеболгарской письменности на Руси, следует остановиться на вопросах моравско--чешского влияния в Киевской Руси. Заслуга открытия и доказательства этого влияния принадлежит А.И. Соболевскому, впервые обратившему внимание исследователей на неоспоримый факт, что среди памятников древнерусской письменности встречаются и такие рукописи, которые списывались с оригиналов моравско--чешского происхожде-

ния¹²⁵. На основании некоторых особенностей, прежде всего лексических, А.И. Соболевский установил моравско--чешское происхождение таких памятников, как "Беседы папы Григория Великого на евангелие", "Житие Вячеслава" и пр.

Что касается времени появления моравско--чешских рукописей на Руси, то А.П. Власто предполагает, что они распространялись в Киеве только после основания сазавского монастыря /ок. 1032 г./, в котором бенедиктинцы пользовались славянским литургическим языком. Основателем сазавского монастыря был знаменитый Прокоп /1053 г./, патрон Чехии. В монастыре существовали как скрипторий, так и библиотека. Сазавский монастырь, несомненно, сыграл важную роль в распространении и чешской письменности на Руси. Однако все-таки возможно, что некоторые памятники, написанные чешской редакцией древнеболгарского языка, могли появиться в Киеве и раньше. Заслуживает внимания сообщение Жития Бориса, который был убит в 1015 г. по велению своего старшего брата Святополка, о том, что накануне убийства Борис "Помышляше шеть же мѹныи и страсть... стого Вячеслава подобно же семоу възвзашо оувѣрѣнню"¹²⁶. Если это сообщение жития не является выдумкой самого агиографа, а основывается на реальных фактах, то начало проникновения чешской письменности надо перенести на несколько лет раньше основания Сазавской обители. Однако и в этом случае ведущая роль в ранних чехо--русских контактах принадлежит сазавскому монастырю, в котором был известен и культ Бориса и Глеба. Чешские писатели имели с Киевской Русью оживленные связи. Об этом свидетельствует и тот факт, что большинство чешских памятников дошло до нас только в русских списках¹²⁷. Несомненно, что в конце XI в. каноны в честь св. Вячеслава уже были известны даже на Севере Руси, потому что они попали в Минею 1095--1097 гг. Было высказано предположение, что эти каноны возникли в Чехии¹²⁸. Нами был исследован

текст канонов, попавший в новгородскую mineю, представленную рукописью № 159 Синодального собрания ГИМ. При исследовании текста фактом, бросившимся в глаза, было то, что кроме топонима Прагъ [= Praha/ в тексте не встречается никаких чехизмов, а это может быть объяснено тем, что каноны были созданы за пределами Чехии: в Болгарии или на Руси. К этому предположению был склонен сам Вейнгарт, лучший знаток чешского церковнославянского языка¹²⁹. Нам кажется более вероятным, что каноны в честь св. Вячеслава были созданы на Руси. Не исключено и то, что моравско-чешское влияние было, очевидно, большим, каким оно представляется на первый взгляд. В этом нас убеждает книга проф. В. Мареша¹³⁰. Несомненно, что моравско-чешское влияние имело место на Руси. Бесспорно и то, что оно произвело стимулирующее воздействие на развитие древнерусской письменности на Руси, однако, решающее и определяющее значение принаделит древнеболгарской письменности.

Подводя итоги нашим наблюдениям о предпосылках возникновения просвещения на Руси, мы можем установить следующее:

1. По историческим данным и некоторым соображениям, извлеченным из источников, нельзя сомневаться в том, что славянское письмо существовало на Руси до официального крещения Руси. Однако существование письменности в дохристианской Руси означало лишь истоки грамотности.

2. Водоразделом стало принятие Русью христианства, что было в то время событием прогрессивного характера. После установления на Руси христианства древнеболгарская письменность, просуществовавшая в узких рамках среди христианских русских, приобрела качественно новую функцию как литературно-посредница, передавая Руси то культурное богатство, которым обладала Византия.

3. Принятие христианства как господствующей религии вызвало и крупные изменения количественного порядка. Произошел своего рода "информационный взрыв", который повлиял и на миропонимание, мироощущение древних русских. Постепенно расширялся их кругозор, поскольку литература--посредница давала им не только новые знания в области религии, но и передавала им все то богатство, которое было накоплено византийской литературой: русские могли познакомиться с философией, литературой, историей, с достижениями естественных наук и пр.

4. Качественно новым было массовое проявление древнеболгарской письменности, т.к. с течением нескольких /4--5/ поколений оно изменяло облик древней Руси: Русь стала образованным, просвещенным государством, до татарского нашествия, не уступавшего ни в каком отношении западным государствам.

5. Несомненным является то, что древнеболгарское влияние было недолговечным, но очень интенсивным и в основном завершилось к первой четверти XI в., хотя конкретное протекание, конкретные формы проявления этого процесса остаются и останутся, вероятно, неизвестными. Все-таки с полной уверенностью можно предположить, что, несмотря на молчание исторических данных, главным поприщем русско--болгарских связей была территория Киевской Руси. Другие центры русско--болгарского, русско--южнославянского сотрудничества имеют лишь второстепенное значение, хотя временами /после 1018 г./ могли выполнять и важную роль. Их значение возросло именно в период, который следовал за покорением Болгарии Василием II.

6. Исследование древнерусской письменности убеждает нас в том, что в распространении просвещения на Руси имеет большое значение также и чешский церковнославянский язык. Интересным является и тот факт, что исторические

источники определенно молчат как об этом влиянии, так и о древнеболгарском. Однако следует подчеркнуть, что чешское влияние является, по всей вероятности, более поздним и более узким по сравнению с древнеболгарским. Чешское влияние, несомненно, способствовало выработке, развитию просвещения Руси, однако оно само по себе не могло бы вызвать просвещения Руси. Просвещение Руси немыслимо без учета древнеболгарской литературы--посредницы.

7. Ошибочно было бы считать, что распространение грамотности, ее развития, установление просвещения на Руси были пассивными, механическими процессами. Даже самый беглый взгляд на любую древнерусскую рукопись убеждает специалиста в том, что либо в отношении языка и текста, либо в отношении художественного оформления, в компоновке рукописи древнерусский писец вносил и свой "вклад" в списываемую им рукопись. Просвещение Руси было активным процессом, в котором -- сначала менее определенно, ясно, уловимо, но позднее более решительным образом -- отражаются и своеобразные русские черты. Они отражаются в языке, тексте, почерке и в художественном оформлении древнерусских рукописей.

8. Просвещение Руси через стадию грамотности было продуктом постепенного распространения письменности. Распространение и обогащение письменности было вызвано своеобразным "спросом", проявившимся в зависимости от роста христианских учреждений /церквей, монастырей, епископий и пр./ . Конечно, это не значит, что мы отрицаем значение мирских, светских факторов в формировании образованности и просвещения на Руси. О значении этих факторов красноречиво свидетельствуют берестяные грамоты, столь многочисленные в Новгороде и известные и в других древнерусских городах. Однако изучение роли светских факторов, способствовавших развитию просвещения, едва ли входит в задачу такого исследования, целью которого является изучение русской редакции древнеболгарского /старославянского/ языка.

Замечания

1. Д.С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.--Л., 1952, с. 15--16.
2. Д.С. Лихачев. Указ. соч., с. 14.
3. Д.С. Лихачев. Указ. соч., с. 15.
4. Д.С. Лихачев. Указ. соч., с. 24.
5. Д.С. Лихачев. Указ. соч., с. 24.
6. Н.М. Тихомиров. Начало христианства на Руси. Древняя Русь. М., 1975, с. 261.
7. L. Waldmüller. Die ersten Begegnungen der Slawen mit Christentum und der Christlichen Völkern von VI bis VIII Jahrhundert. Die Slawen zwischen Byzanz und Abendland. Amsterdam, 1976, S. 577.
8. М.В. Левченко. Очерки по истории русско--византийских отношений. М., 1956, с. 77.
9. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 78.
10. М.Н. Шапов. Древнерусские княжеские утавы. М., 1976, с. 15, 18, 19, 21, 22, 30 и пр.
11. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 80.
12. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 84.
13. Н.М. Тихомиров. Указ. соч., с. 266.
14. Н.М. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 95, 96, 97, 104.
15. И. Снегаров. Духовно--культурни връзки между България и Русия през средните векове /X--XV в./. София, 1950, с. 31.
16. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 285.
17. Н.М. Тихомиров. Исторические связи..., с. 114.
18. A.P. Vlasto. The Entry of the Slavs into Christendom. Cambridge, 1970, с. 251.
19. Е. Голубинский. История русской церкви. т. I. Первая половина тома. М., 1901, с. 81.
20. История на България. т. II. София, 1980, с. 393.
21. История на България..., с. 398.
22. И. Снегаров. Указ. соч., с. 34.

23. Вл. Мошин. О периодизации русско--южнославянских литературных связей X--XV вв. Русская литература X--XVII веков. Среди славянских литератур. ТОДРЛ, т. XIX /1963/, М., с. 52.
24. Е. Голубинский. Указ. соч., с. 91.
25. А.Р. Vlasto. Указ. соч., с. 99.
26. Е. Голубинский. Указ. соч., с. 91.
27. F. Krásl. Prokop i jeho klášter a památka v lidu. Praha, 1895, с. 107; А.И. Соболевский. Славяно--русская палеография, СПб., 1902, с. 23.
28. Е. Голубинский. Указ. соч., с. 97.
29. Е. Голубинский. Указ. соч., с. 101.
30. Вл. Мошин. О периодизации..., с. 52.
31. Н.М. Тихомиров. Исторические связи..., с. 186.
32. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 341.
33. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 5.
34. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 348, 356.
35. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 366.
36. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 346--347.
37. А.Р. Vlasto. Указ. соч., с. 257; М.В. Левченко. Указ. соч., с. 346.
38. А.Р. Vlasto. Указ. соч., с. 258, 260.
39. Н.М. Тихомиров. Начало христианства..., с. 269.
40. Повесть временных лет. Часть I. М., 1950, с. 77.
41. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 348.
42. Повесть временных лет..., с. 80.
43. Ипатьевская летопись. М., 1962, с. 106.
44. А.Р. Vlasto. Указ. соч., с. 263.
45. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965, с. 57--58.
46. М.Н. Щапов. Указ. соч., с. 15, 16, 18, 19, 21, 22, 30, 37 и пр.
47. А.Р. Vlasto. Указ. соч., с. 278--279.
48. М.Д. Приселков. Очерки по церковно--политической истории Киевской Руси X--XII вв. СПб., 1913, с. 278--279.
49. Н. Koch. Byzanc, Ochrid und Kiev /987--1037/. Kyrios. 3 /1938/, с. 253--292. Вл. Мошин. Послание русского

- митрополита Леона об опресноках в охридской рукописи. Byzantinoslavica. XXIV /1963/, с. 87--105.
50. И. Снегаров. Указ. соч., с. 25.
  51. В.Н. Татищев. История российская. Том первый. М.--Л., 1962, с. 112.
  52. П.А. Лавровский. Исследование о летописи Якимовской. Ученые записки 2-ого Отд. Академии Наук, кн. 2. СПб., 1856, с. 137, 148.
  53. И. Снегаров. Указ. соч., с. 39.
  54. Р. Павлова. Болгарско--русские и русско--болгарские языковые связи. София, 1979, с. 34.
  55. П.А. Лавровский. Указ. соч., с. 151.
  56. Вл. Мошин. О периодизации... с. 55.
  57. Ипатьевская летопись..., с. 110.
  58. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 232.
  59. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 240.
  60. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 247.
  61. Повесть временных лет, 1951, с. 84.
  62. Патриаршая или Никоновская летопись..., с. 58.
  63. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 179.
  64. Б.Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, с. 405.
  65. Б.Д. Греков. Указ. соч., с. 405.
  66. Н.М. Тихомиров. Начало христианства на Руси. Древняя Русь. М., 1975, с. 268.
  67. А. Попов. Историко--литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, с. 188.
  68. И.Х. Тот. Кирилло--мефодиевские традиции в средневековой Венгрии. ВЯ, 1978, № 5, с. 113.
  69. Д.С. Лихачев. Развитие русской литературы X--XVII веков. Л., 1973, с. 30.
  70. Д.С. Лихачев. Ук. соч., с. 15--19.
  71. Патриаршая или Никоновская летопись..., с. 79.
  72. А.Р. Vlasto. Указ. соч., с. 182.
  73. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 188.
  74. Б.Д. Греков. Указ. соч., с. 404.

75. Г.Г. Порфиридов. Древний Новгород. М., 1947, с. 155.
76. Л.В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. Советская Археология. 1957/3, с. 223.
77. В.М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы. Петроград, 1922, с. 71.
78. Повесть временных лет..., с. 103.
79. Повесть временных лет..., с. 102--103.
80. Повесть временных лет..., с. 102--103.
- 80^a. Повесть временных лет..., с. 102--103.
81. А.И. Соболевский. Лингвистические и археологические наблюдения. Вып. II. Варшава, 1912, с. 167--168.
82. Н.А. Мецкерский. Источники древней славяно--русской переводной письменности X--XV веков. Л., 1978, с. 22.
83. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 191.
84. В.М. Истрин. Указ. соч., с. 4.
85. Н.Н. Розов. Книга древней Руси. Л., 1973, с. 13.
86. А.М. Amman. Abriss der ostslawischen Kirchengeschichte. Wien, 1950, с. 25.
87. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 401.
88. Б.В. Сапунов. Книга в России в XI--XIII вв. Л., 1978, с. 8.
89. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 466. По-другому: Б.В. Сапунов. Указ. соч., с. 67.
90. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 617-618.
91. Д.С. Иценко. Устав студийский по рукописи XII в. Источники по истории русского языка. М., 1976, с. 109, 130.
92. Б.В. Сапунов. Указ. соч., с. 24.
93. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 621.
94. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 452.
95. Б.Д. Греков. Указ. соч., с. 410.
96. Б.В. Сапунов. Указ. соч., с. 166.
97. Б.В. Сапунов. Указ. соч., с. 120. Б.Д. Греков. Указ. соч., с. 405.
98. Н.Н. Розов. Указ. соч., с. 46.
99. Б.В. Сапунов. Указ. соч., с. 123, 124, 125.

100. Н.Н. Розов. Указ. соч., с. 99.
101. И.Х. Тот. Слово о пользе чтения книг в списке XI в. *Dissertationes Slavicae*. XIV. Szeged, с. 300, 301, 326.
102. Н.Н. Розов. Указ. соч., с. 26.
103. Б.В. Сапунов. Указ. соч., с. 149--150.
104. Л.П. Жуковская. Изборник 1073 г. Изборник Святослава 1073 г. М., 1976, с. 12.
105. М.В. Щепкина. К вопросу о просвещении Руси. Плиска--Преслав. т. I, София, 1979, с. 201.
106. М.В. Щепкина. Указ. соч., с. 201, 202, 203.
107. М.В. Щепкина. Указ. соч., с. 204.
108. М.В. Щепкина. Указ. соч., с. 204.
109. К.К. Куев. Съдбата на старобългарските ръкописи през вековете. София, 1979, с. 14.
110. А.И. Соболевский. Лингвистические и археологические наблюдения. Вып. II, Варшава, 1912, с. 135--136.
111. А.И. Соболевский. Указ. соч., с. 136.
112. Б.Ст. Ангелов. К вопросу о начале русско--болгарских литературных связей. ТОДРЛ. XIII /1956/, с. 138.
113. Вл. Мошин. О периодизации..., с. 55.
114. Вл. Мошин. Указ. соч., с. 62.
115. Вл. Мошин. Указ. соч., с. 58.
116. С.М. Сперанский. Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы. *Slavia* VII--VIII /1928--29/, с. 535.
117. Н. Грипкова. Евгениевская Псалтырь как памятник русской письменности XI века, ИЛРЯС. т. 29 /1924/ 1925, с. 306.
118. Н. Коч. Указ. соч., с. 280--283.
119. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 35--36.
120. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 433.
121. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 465.
122. Вл. Мошин. Русские на Афоне и русско--византийские отношения в XI--XII вв. *Byzantinoslavica*, XI /1950/, с. 36.
123. Н.Н. Розов. Указ. соч., с. 114.
124. A. Altbauer, H.G. Lunt. An Early Slavonic Psalter From Rus'. Cambridge, Massachusetts, 1978, с. IX.

125. А.И. Соболевский. Церковнославянские тексты моравского происхождения. Русский Филологический Вестник. Т. XLIII/1900/. Варшава; с. 150--207.
126. А.Р. Vlasto. Указ. соч., с. 291.
127. Успенский сборник XII--XIII вв. Под редакцией С.И. Каткова. М., 1971, с. 47.
128. V. Chaloupeký. Na úsvitu křesťanství. Praha, 1942, с. 73.
129. M. Weingart. Československý typ cikevnej slovančiny. Bratislava, 1949, с. 118.
130. F.W. Mareš. An Anthology of Church Slavonic Texts of Western /Czech/ Origin. München, 1979, с. 16.